

—

XII.

Раннее утро. Переулочек Юйшунь, поместье уездного цзюньцзюня.

Сквозь холодный ветер глубокой осени Чэнь Сяолю, зевая, вышел из своей каморки у ворот. Он подошел к массивным дверям поместья, ухватился за засов и с усилием потянул его на себя.

Молодой господин выходил на учебу в академию префектуры Шуньтянь каждый день именно в это время.

И верно: едва Сяолю успел несколько раз взмахнуть метлой, сметая опавшую листву у порога, как из центрального зала неспешным, размеренным шагом вышла высокая и статная фигура со скрещенными за спиной руками.

Чэнь Сяолю тут же принял серьезный вид и почтительно поприветствовал:

— Доброго утра, господин. Легкого вам пути.

Гу Сяюань, не меняясь в лице, сухо ответил:

— Доброго утра.

Стоило фигуре скрыться вдали, как на лицо Сяолю вернулась широкая улыбка. Господин Гу хоть и выглядел холодным и пугающим, на деле оказался удивительно вежливым: каждый раз на приветствие он неизменно отвечал тем же.

Гу Сяюань, не подозревая о странных мыслях маленького привратника, уверенно вышел из переулочка. У лотка с завтраками по левую руку он купил порцию паровых пельменей с бульоном и, пройдя через улицу Дунлинь, направился к соседнему переулочку Фусюэ. Именно там располагалась академия префектуры Шуньтянь, в честь которой переулочек и получил свое название.

После того как в шестом месяце благодаря связям семьи Ван доклад о кукурузе был представлен императору, Се Чаньюэ получил высокую награду.

Семья оставалась в деревне Хуанъян еще несколько месяцев. Гу Сяюань всеми силами готовился к экзамену юаньши в восьмом месяце, а Се Чаньюэ в это время на полях наставлял людей из Министерства налогов, как правильно высаживать второй урожай кукурузы. Ведь в будущем повсеместным внедрением культуры по всей стране предстояло заниматься именно официальным ведомствам.

Время пролетело незаметно. В конце восьмого месяца завершился экзамен, и, когда вывесили списки, Гу Сяюань без сюрпризов стал Сяосаньюанем. Только тогда, идя навстречу желаниям сородичей из клана Гу, он устроил праздничный пир, который можно было назвать по-настоящему пышным.

В середине девятого месяца на полях собрали второй урожай кукурузы, и Се Чаньюэ временно сложил с себя обязанности наставника. Тогда семья и начала обсуждать переезд.

После получения звания сюэя академия Аньпин уже не могла дать Гу Сяюаню необходимых

знаний. Ему требовалось учебное заведение более высокого уровня в процветающем месте. Академия префектуры Шуньтянь, находившаяся прямо в столице, была идеальным вариантом. К тому же пожалованное императором поместье цзюньцзюня находилось неподалеку от академии, так что вся семья с радостью согласилась на переезд.

Перед отправлением в столицу, дабы избежать обвинений в сыновней непочтительности, Гу Лаоэр и Гу Сьюань специально зашли в дом старшей ветви, чтобы спросить стариков. Дед и бабушка, разумеется, очень хотели поехать в столицу, но дядя Гу не согласился. При разделе имущества было оговорено, что старики остаются на попечении старшей ветви. Если они уедут со вторым братом, поползут слухи, будто старший сын непочтителен и не может позаботиться о родителях. Его собственному сыну еще предстояло сдавать экзамены — разве можно так рисковать репутацией?

Гу Сьюань предвидел такой исход. В обычные дни его дядя казался таким же неразговорчивым, как и его отец, но на деле он был куда расчетливее и гораздо больше пекся о внешних приличиях. В эпоху, когда «жена должна следовать за мужем», Ли Сянтао не смогла бы так открыто притеснять и изводить вторую ветвь без молчаливого согласия или даже подстрекательства со стороны мужа.

Так, десять дней назад, третьего числа, семья из четырех человек переехала из деревни Хуанъян в столичное поместье цзюньцзюня. Обустроившись и ознакомившись с окрестностями, Гу Сьюань, согласно плану, отправился на регистрацию в академию префектуры. Сегодня шел его четвертый день занятий.

Пока он предавался воспоминаниям, перед ним выросла величественная усадьба. На синей вывеске над воротами четко выделялись два иероглифа — «Фу Сюэ» (Академия префектуры).

Гу Сьюань переступил порог и направился в свой класс — группу «А». Поскольку он жил рядом и выходил рано, в аудитории еще никого не было. Сев на свое место, он первым делом съел принесенные пельмени.

Когда он закончил и вытер рот, в класс начали подтягиваться остальные. Среди них были и юноши в расцвете сил, и зрелые мужчины с длинными бородами. Гу Сьюань обменивался с ними церемонными поклонами. Как говорится, «в пятьдесят — молодой цзиньши». Это означало, что сдать высший экзамен в пятьдесят лет считается ранним успехом. В группе «А» были собраны лучшие сюцаи всей префектуры Шуньтянь, так что среди них закономерно хватало тех, кто добился этого звания лишь к зрелым годам.

Не стоит обращать внимания на поговорку про «бедных сюцаев», которую часто произносят с пренебрежением — всё зависит от того, кто говорит. Если взять их провинциальный экзамен в Тунчжоу, который проводится раз в два года, то из всех кандидатов выбирают лишь пятьдесят человек. В современных мерках это как войти в топ-20 лучших учеников города — в любой школе это были бы гении номер один или два.

Вскоре в классе стало шумно — почти все были в сборе. Ван Сюй с заспанным видом посмотрел на бодрого Гу Сьюаня и невольно почувствовал укол зависти:

— Тебе что, по утрам совсем спать не хочется?

Учитывая положение семьи Ван, он мог бы сразу поступить в Императорскую академию, но, узнав, что Гу Сьюань идет в академию префектуры, притащился следом за ним. Гу Сьюань, разумеется, ценил этот жест, поэтому позволил себе немного пошутить:

— Когда ждешь чего-то хорошего, сон как рукой снимает. Сейчас наставник снова возьмет мой трактат в качестве образца для разбора и будет расхваливать перед всеми. Как тут можно хотеть спать?

— ... — Ван Сюй промолчал. «Я-то, может, и не человек, но ты — настоящий пес».

Гу Сыюань продолжил объяснение:

— Можешь пойти и спросить министра Вана: если бы он знал, что завтра император собирается его наградить, разве он не проснулся бы раньше обычного?

Ван Сюй моргнул, осознавая смысл сказанного:

— То есть ты хочешь сказать, что спать хочется только двоечникам?

Гу Сыюань промолчал.

Ван Сюю показалось, что он и впрямь проснулся — от злости.

Впрочем, характер у него был как переменчивый ветер: то дождь, то солнце. К вечеру, когда занятия закончились, он уже полностью отошел.

Гу Сыюань, как и всегда, заранее собрал кисти и тушечницу. Едва прозвенел медный колокольчик, он уже был готов сорваться домой.

Ван Сюй удержал его за локоть:

— Ну и ну, никогда не видел таких, как ты! Только уроки кончились — и бегом домой. Что там такого хорошего? Я бы, наоборот, подольше не возвращался. Пойдем со мной в башню Тайпин, говорят, там сегодня новый рассказчик выступает?

Гу Сыюань одарил его холодным взглядом:

— Ты не хочешь возвращаться, потому что ты — одинокий пес. А у меня дома любимый супруг, и я жажду не расставаться с ним ни на миг.

Ван Сюй закатил глаза:

— Ну и кислятина! Узнай наши сокурсники, что такой ледяной герой и «маленький тройной чемпион» на деле обычный подкаблучник*, твой имидж будет разрушен до основания.

[*Паоэрдо (𠄎𠄎𠄎 — pá ěrduo) — диалектное выражение (буквально «грабли для ушей»), означающее подкаблучника.]

Гу Сыюань остался невозмутим:

— Меня это не заботит.

Ван Сюй сдался. Но мгновение спустя он снова заулыбался:

— Ладно, сегодня прощаю. Но завтра — праздник Сяюань*, день, когда водное божество избавляет от бед. В храме Цинпин на улице Эрьюань будут устраивать торжественные молебны

и обряды в честь бога Янгу. Там наверняка будет ужасно весело! После занятий бери своего супруга, и пойдем вместе. Хм, если честно, Чаньюэ куда интереснее такого сухаря, как ты.

[*Праздник Сяюань (霁雨節, Xiàyuán Jié) — традиционный даосский праздник (15-й день 10-го лунного месяца), посвященный божеству воды, которое избавляет от бед и несчастий.]

В династии Дачжоу даосизм был в почете, и на любые празднества стекались толпы верующих, превращая гулянья в шумное торжество.

Гу Сяюань немного подумал и кивнул:

— Хорошо.

Они жили в столице уже несколько дней, но сначала обустроивали дом, а потом он пропадал в академии от заката до рассвета. У него так и не выдалось случая прогуляться с Се Чаньюэ по городу, в котором тот прожил шестнадцать лет.

Вечером, когда они уже умылись и легли в постель, Гу Сяюань рассказал супругу о приглашении Ван Сюя. Се Чаньюэ, который в это время лежал на груди мужа, накручивая его волосы на палец, пришел в полный восторг.

— Я был в храме Цинпин на улице Эрьюань всего один раз, когда был маленьким. Там и правда очень шумно и весело. Интересно, сильно ли всё изменилось за эти годы?

Гу Сяюань вскользь заметил:

— И после этого ты там ни разу не был?

Се Чаньюэ ткнулся острым подбородком ему в грудь и с легкой грустью кивнул:

— Да... С тех пор как в двенадцать лет меня обручили с Сяо Цзинчуанем из дома генерала Чжэньнана, вторая госпожа Шэнь запретила мне выходить на улицу. Я даже незнакомых людей почти не видел.

— Почему так? — Гу Сяюань нахмурился. Хотя система и дала ему общее представление об этом мире, знать всё до мельчайших подробностей он не мог.

Се Чаньюэ высунул кончик языка и принялся объяснять:

— Хоть у поместья графа Суйнина и есть титул, все эти годы оно держалось только на дедушке. Когда титул перейдет к старшему дяде Шэню, его статус понизят, а потом и вовсе упразднят. А вот дом генерала Чжэньнана — это новые любимцы при дворе, и Сяо Цзинчуань на хорошем счету у верхов. Этот брак был крайне важен для семьи Шэнь.

— Матушку Сяо Цзинчуаня зовут госпожа Кун, она женщина крайне чопорная и строгая. Ей нравятся только те, кто ведет себя тихо, благопристойно и скромно. Вторая госпожа Шэнь хотела, чтобы я во всем ей угождал — это помогло бы карьере моего старшего брата Шэнь Чанье. Так что из меня лепили самого «добродетельного» гера в столице, который и порога дома не переступает.

Договорив до этого места, Се Чаньюэ поднял взгляд на Гу Сяюаня и с облегчением добавил:

— Хе-хе, как же хорошо, что теперь я замужем за тобой!

В уголках губ Гу Сьюаня промелькнула улыбка. Он склонился и запечатлел на его губах легкий поцелуй, прошептав:

— И... как же ты собираешься меня благодарить?

Сколько бы времени ни прошло, Се Чаньюэ неизменно пасовал перед такой намеренной нежностью мужа. На его ушах тут же выступил нежный румянец.

Впрочем, он был не из тех, кто легко сдается. С легким фырканьем он уперся ладонями в твердую грудь Гу Сьюаня и медленно приподнялся, обхватив ногами его стройную талию. Из-под слегка свободной ночной рубашки показались тонкие белые лодыжки, которые нежно коснулись тела мужа.

— Муж может делать всё, что захочет...

Прикосновение было гладким и прохладным, но вызвало нестерпимый зуд желания.

Гу Сьюань глубоко вдохнул, его руки мгновенно обхватили тонкую талию супруга, и одним сильным движением он перевернул их, оказавшись сверху.

Се Чаньюэ победно улыбался, его дыхание было сладким, как аромат орхидей:

— Муж такой нетерпеливый, я ведь еще даже не начал благодарить...

Гу Сьюань смотрел на него темным, бездонным взглядом, а голос его стал низким и хриплым:

— Если ты на середине процесса не начнешь плакать и умолять остановиться — это и будет величайшей благодарностью.

— Ой... — Се Чаньюэ почувствовал, что, кажется, заигрался.

Однако возможности отступить уже не было. Каждый раз, когда он пытался «сбежать», муж ловил его за тонкую щиколотку и настойчиво возвращал назад.

Так что на следующий день, когда пришла пора идти на праздник, Гу Сьюаню весь путь пришлось ловить на себе обиженные и капризные взгляды супруга.

Се Чаньюэ поправлял шейный платок и ворчал:

— У меня и поясница болит, и на шее одни следы... Мне теперь и на люди показаться стыдно.

— ... — Гу Сьюань взглянул на него и сухо заметил: — Если я ничего не путаю, мы прямо сейчас находимся на главной улице.

Се Чаньюэ не растерялся:

— Это только потому, что я не нашёл в себе сил отвергнуть твое приглашение. Нелегко приходится такому стеснительному геру, как я!

На самом деле он просто надеялся, что в следующий раз, когда он снова начнет «проказничать», муж в постели будет к нему чуть менее беспощаден.

Гу Сьюань покосился на него, легонько сжал его тонкие пальцы и произнес своим глубоким голосом:

— Будь умницей.

Опять этот знакомый низкий тон, полный обожания и нежности. У Се Чаньюэ чуть ноги не подкосились.

— Хорошо... — послушно протянул он.

Да, вот такой он бесхарактерный.

Впрочем, едва они ступили на улицу Эрьюань и увидели бесконечные ряды лавок, Се Чаньюэ мгновенно пришел в себя. Если бы Гу Сьюань не держал его за руку, он бы, наверное, допрыгнул до самого неба. Гу Сьюаню и самому была интересна жизнь древнего города, так что они медленно шли, останавливаясь у каждой лавки.

Пройдя пол-улицы, они наконец увидели впереди огромный алтарь для обрядов. Се Чаньюэ к этому времени порядком устал. Он вручил Гу Сьюаню недоеденные лакомства и встал как вкопанный.

Он потянул мужа за рукав и, надув щеки, закапризничал:

— Муж...

Гу Сьюань притворился, что не понимает:

— Устал? Хочешь вернуться? Тогда пойдем.

Се Чаньюэ округлил глаза и поспешно вцепился в него:

— Нет!

Он только-только выбрался в свет, разве можно так быстро возвращаться?

Он пробормотал:

— Пусть муж несет меня на спине.

Гу Сьюань посмотрел на него и с бесстрастным лицом поддразнил:

— А как же «стеснительный гер», которому стыдно на люди показаться?

— А, я этого не помню и вообще не понимаю, о чем ты! — Се Чаньюэ было плевать на логику. Он широко раскрыл объятия и просто повис на шее у мужа.

Гу Сьюань обреченно покачал головой, слегка присел и, подхватив его под колени, уверенно закинул себе на спину.

Се Чаньюэ, прижавшись к теплой и широкой спине мужа, победно улыбнулся. Подумав, он прижался губами к шее Сьюаня и сладко прошептал:

— Муж, ты самый лучший, я люблю тебя больше всех!

Гу Сьюань не ответил этому в край обнаглевшему лисенку. Однако взгляды торговцев и прохожих тут же обратились к ним после такого громкого признания.

М-да, нравы нынче совсем упали!

Се Чаньюэ сердито посмотрел на них в ответ, в его глазах не было ни тени обещанной застенчивости — лишь гордость и вызов.

Неподалеку, у входа в башню Тяньюнь, замерло несколько фигур. Они пристально наблюдали за парой, приближавшейся к ним.

Шэнь Чанхуань негромко произнес:

— Поначалу, когда Чаньюэ вернулся в деревню, я чувствовал легкую вину. Но я и представить не мог, что он окажется настолько способным и так быстро с почетом вернется в столицу.

Стоявший рядом гер в нежно-розовом халате с презрением фыркнул:

— Хм, всё-таки он — отродье деревенщины. Получил титул уездного цзюньцзюня только потому, что копался в земле. Посмотрите на эти легкомысленные манеры прямо посреди улицы... Разве может он сравниться с нами, людьми благородного происхождения? Чанхуань, тебе совершенно не стоит принимать его в расчет.

То ли случайно, то ли намеренно, он даже не пытался понизить голос, а под конец и вовсе заговорил громче. Так что пара, подходившая всё ближе, расслышала его слова во всех подробностях.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281592>